

Тиффани Райз

«Рождество для Мэгги»

Серия: Грешники (новеллы)

Автор: Тиффани Райз

Название на русском: Рождество для Мэгги

Серия: Грешники
(невышедшие новеллы)

Перевод: Skalapendra

Сверка: helenaposad

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:
Eva_Ber

*обложка предоставлена http://vk.com/shayla_black

Аннотация

Приблизительно шесть месяцев после «Дэниела. Часть вторая».

Когда утром Дэниел услышал по радио рождественскую песенку из мультфильма «Как мистер Гринч украл Рождество», у него возникла чудесная, грязная идея. Аня так аппетитно выглядела в коротком шёлковом неглиже, что он приказал ей оставаться в нём на весь день. Уже вечер, она всё ещё в нём, но начинает жаловаться.

- C'est l'hiver, - без необходимости напомнила ему Аня. Конечно, на дворе стояла зима. За окном фут снега укрыл все в его поместье, заточив их в счастливый плен. - Я должна носить фланель.

Дэниел закатил глаза на свою маленькую квебекскую злючку.

- Ты бы не стала носить фланель, даже если бы я попытался подкупить тебя за миллион долларов и угрожал выпороть.

Дэниел знал свою Аню. У нее не было ни цента за душой, но это не мешало ей шить одежду для себя - одежду, которая выглядела бы вполне уместно на подиумах Милана и Парижа. Даже неглиже, которое она надела и сняла прошлой ночью, было одним из ее творений.

Улыбнувшись, девушка обернула руки вокруг его шеи и леноночко прижалась к губам. Боже, так хорошо было снова иметь женщину в своей жизни, в своей доме, в своей постели... особенно женщину со вкусами Ани.

- Возможно, если бы ты подкупил меня поркой... тогда я бы надела для тебя фланель.

- Мне нравится, как это звучит. - Дэниел обхватил ее бедра и провел ладонями вверх по ее обнаженной попке и спине. В такие моменты он наиболее остро чувствовал разницу в возрасте. Ей только исполнилось двадцать три, в то время как он без особых усилий мог достать до сорока. Его грубые руки никогда не восстановятся после года исследований и альпинизма в Южной Америке. Гладкость юной кожи Ани служила горьким напоминанием о том, сколько лет их разделяло. Он не хотел думать о том, что должно и могло их разделять.

- Я только сказала "возможно", Сэр. Никаких обещаний.

Дэниел опустил голову и поцеловал ее. Всегда, когда она звала его "сэр" таким неуважительным тоном, он не мог сдержаться и не поцеловать ее. Это слово как ни что иное придавало сил. Когда второе "сэр" сорвалось с ее губ, он должен был потащить ее к постели, повалить на пол или на диван...

Но сегодня он отстранился. Слишком много дел.

- Нет. Ничего подобного. - Дэниел окунул ее самым решительным взглядом. - Работать. Сейчас же.

Она притворно надулась.

- Да, Сэр.

Аня повернулась к нему спиной, и он быстро шлепнул ее, чтобы потоприть. В гостиной еще с первого декабря стояла елка, украшенная новогодними огнями, но без игрушек. Сейчас Сочельник, Аня зарылась в коробки, который Дэниел принес из кладовки, и начала распаковывать все стеклянные звездочки, леденцы, золотые и серебряные гирлянды.

- Расскажи мне, почему нам пришлось ждать до Сочельника, чтобы украсить ель...? - спросил Дэниел открывая коробку и убирай маленький носок с обезьянкой на нем - подарок от друга и бывшей любовницы - Элеанор.

Аня пожала плечами, жест, который заставил ее сорочку приподняться достаточно высоко, чтобы Дэниел увидел бледно-розовое родимое пятно на левом бедре. В паху стало тесно от вида кожи, освещенной рождественскими огоньками.

- Ma mère... она всегда ждала до Сочельника, чтобы украсить ель. Папе приходилось столько работать, у него не было выходных до праздников.

- Очень заботливо со стороны твоей мамы. - Дэниел повесил высоко по центру обезьянку из носков. Мэгги скорее всего хватил бы удар от такой глупой вещицы на традиционно украшенной ели. Мэгги... откуда она взялась? Дэниел выдохнул и попытался отстраниться от мыслей о покойной жене. Мэгги умерла так же давно, как и мать Ани. Время двигаться вперед... им обоим.

- Она относилась к отцу лучше, чем он того заслуживал. - Аня пододвинула скамеечку к дереву, чтобы поправить ленточку огоньков у верхушки. - Она пыталась сделать из него лучшего мужчину, заботясь о нем как о Короле. Это не сработало.

- Мне жаль. - Дэниел протянул руку и пощекотал ее за коленом, чем вызвал еще одну улыбку. Она ответила, повесив карамельную тросточку ему на ухо.

- Мило. Спасибо. - Он ткнул карамелькой ее в живот, и она вздрогнула сильнее, чем Дэниел ожидал. Но быстро рассмеялась, выхватил из его рук карамельку и повесив на дерево.

Они продолжили украшать. У Ани была привычка поправлять почти каждую игрушку, которую разместил он. Сначала он думал, что она снова показывает свой перфекционизм, но вскоре понял, что она делала это исключительно для того, чтобы позлить его. Так и было бы, если бы ее ехидная улыбка на лице не заставляла его обожать ее еще сильнее.

Она забралась на скамеечку, чтобы водрузить звезду на верхушку, а Дэниел полез в коробку и достал последнюю игрушку. Пока девушка была отвлечена, Дэниел спрятал последнюю игрушку на нижних ветках. Когда он посмотрел вверх, то мог заглянуть Ане под подол.

- Аня, если бы ты была одной из оленей Санты, ты была бы Виксеном (резвый), - сказал он, проводя кончиком пальца по ее ноге. Он скользнул рукой между ее бедер и дразнил, пока она тихо не застонала.

- Ты сам приказал мне это надеть, - ответила она, мягким с приыханием голосом. - Ты не сказал мне надеть трусики.

- И по очень весомой причине. - Дэниел стащил девушку со скамеек и положил на пол.

- И по какой же причине, Сэр?

Дэниел повернул ее на живот и расположил на своем колене. Он задрал ее сорочку и обнажил восхитительную попку.

- Рождественские шлётанья. - Он несколько раз жестко шлепнул ее, лишь для того, чтобы насладиться визгами ее возмущения.

- Шлётанья для дней Рождения. - Она ерзала на его колене.

- Сегодня день Рождения Иисуса. - Он еще раз игриво шлепнул ее по бедру и перевернулся на спину.

- Маман говорила, что на самом деле он родился весной, - возразила Аня, а Дэниел начал спускаться к ее животу, оставляя за собой поцелуи. Одной рукой он стянул бретельки сорочки, пока вторая задирала подол вверх. Он с легкостью мог разорвать чертову вещицу, но это заняло бы на секунду больше, чем он хотел ждать.

- Ты споришь со мной о теологии? - Дэниел широко развел ее бедра и нашел губами ее клитор.

Аня ахнула от удовольствия.

- Больше нет, Сэр.

Его рот был слишком занят, чтобы сказать ей заткнуться и наслаждаться. Но его язык внутри нее казалось работал лучше, чем приказ.

Как только она стала достаточно влажной и более чем возбужденной, Дэниел поцелуями поднялся к ее губам. Он позволил Ане попробовать себя, расстегнул штаны

и проник в нее. Он глубоко в нее погрузился, она приподняла бедра и застонала в его рот.

Когда он начал двигаться, то не мог сдержать смех от того как его спина терлась о нижние ветки, заставляя все украшения звенеть и дрожать. Он прижался к телу Ани, надеясь, что его энтузиазм не сбьет дерево. Или ее. А ее энтузиазм часто затмевал его собственный. На прошлой неделе она так громко кончила, что у него еще пару часов звенело ушах.

Двигаясь в ней Дэниел изучал ее лицо и растворился в этом моменте, в этом удовольствии. В ее глазах застыл самое прекрасное затуманенное выражение. Прядь рыжих волос упала на ее щеку, и он легким дуновением сдул ее. Она усмехнулась, и он прошептал ей на ухо "я люблю тебя".

- Я вас тоже люблю, Сэр, - прошептала она в ответ, изгибаясь под ним. Он дал ей один точный приказ в начале их отношений - всегда обращаться к нему «сэр», когда он внутри нее. Этот приказ она всегда с радостью выполняла.

Он сдерживался и ждал столько, сколько мог, пока сам не кончил. Все исчезало, когда он был внутри Ани - его печаль, его воспоминания, его сны, которые все еще преследовали его в плохие ночи, которых к счастью стало меньше и реже, с тех пор как он привел ее в дом.

Аня сжалась вокруг него с похотливым криком. Он бы рассмеялся над ее вокальными упражнениями, но был слишком занят своим надвигающимся оргазмом.

Он осторожно вышел из нее и наблюдал поморщится ли она или вздрогнет. До него девушка была девственницей, и иногда после его толчков она чувствовала боль. Но Аня лишь дарила ему улыбку ангельского блаженства.

- Одновременный оргазм, - сказал он, и перекатившись на бок притянул ее спиной к своей груди. - Не частое явление.

- Это рождественское чудо. - Аня прижалась к нему и вздохнула.

- Не думаю, что Бог награждает рождественскими чудесами таких грешников, как мы. - Он нежно укусил ее за плечо.

- Мы не грешники, - возразила она, и Дэниел услышал нотку горечи в ее голосе. - Мы любим друг друга. Я твоя... - она замолчала, пытаясь найти подходящее слово.

Дэниел улыбнулся у ее кожи.

- Собственность - слово, которое ты ищешь. Хорошая концепция Ветхого Завета. Думаю, Бог уважал бы это.

- Moi aussi, - ответила она, перейдя на французский. Я тоже. Она часто так делала, когда была уставшей или выдохшейся. В этих редких случаях, когда она не переходила на французский после секса, он знал, что еще не выполнил свою работу.

Они погрузились в удовлетворенную тишину и смотрели, лежа на ковре на рождественскую ель. Он с Мэгги столько раз занимался любовью под елью и отлично знал этот вид. Мэгги была одержима рождеством. Ее первый муж был атеистом и мудаком одновременно, и запретил Рождество в доме. Когда они с Дэниелом поженились был декабрь, свадьба в рождественской тематике и все семь лет, которые они провели вместе, Рождество было не только очередным праздником, но и напоминанием о их любви.

Аня вытянула руку и постучала по украшению.

- Что это? - спросила она, аккуратно снимая его с дерева, чтобы изучить поближе.

У Дэниела все сжалось внутри, но его голос был ровным и спокойным.

- Мэгги подарила мне это в наше первое Рождество.

Простая игрушка, она была обычным колокольчиком, покрашенным в снежно-белый со словами "Первое Рождество Дэниела и Мэгги" и год их свадьбы.

- Красивый. - В голосе Ани была лишь искренность, и он не заметил горечи.

- Мэгги любила Рождество. - Он взял украшение из руки Ани. - У нее была старшая сестра по имени Кэрол. Мэгги рассказывала, когда она была маленькой девочкой, то сводила родителей с ума. Она считала очень несправедливым то, что Рождество было только для Кэрол. Пели рождественские песни (*прим. имя Кэрол созвучно со словом «песнь» на английском*). Они читали «Рождественскую песнь» Диккенса. Четырехлетняя Мэгги так завидовала, родителям пришлось петь «Рождественскую Мэгги», чтобы заткнуть ее.

- Ты читал ей «Рождественскую Мэгги»? - спросила Аня, забрав украшение из его руки и вернув на ветку.

- Я сделал лучше. Я нашел прекрасное раннее издание в кожаном переплете, и мой друг переплетчик вшил новую обложку, на которой была надпись: «Рождественская Мэгги». Она заплакала, когда открыла подарок в наше второе Рождество.

Рождество с Мэгги всегда было идеальным, каждое следующее лучше предыдущего. До последнего, когда они узнали, что оно станет последним совместным. И даже тогда...

- Ты скучаешь по ней? - спросила Аня так тихо, что он едва услышал ее.

- Конечно. Она была моей женой семь лет. - Ответил он как ни в чем не бывало, почти небрежно, и понял ошибочность своего тона, когда Аня вырвалась из его объятий и выбежала из комнаты со слезами на глазах.

- Черт возьми. - Дэниел поднялся на ноги и последовал за ней. Она побежала не в спальню, которую они делили, а в одну из гостевых. Он повернул дверную ручку и понял, что дверь заперта. - Аня, сейчас же открой дверь. Это приказ.

Этому приказу она не подчинились. Как и следующему поговорить с ним, или еще одному, умоляющему поговорить с ним.

Дэниел уперся лбом в дверь и глубоко вдохнул, ругая себя. Ане едва исполнилось двадцать три, до него она была девственницей, напомнил он себе. Другими словами... эмоциональная, чувствительная, напуганная и хрупкая. Его брак всегда был щекотливой темой между ними. Однажды Аня призналась, что боится, что он никогда не полюбит ее так же сильно, как свою жену. Никакие уверения не заставили полностью исчезнуть этот страх из ее глаз. Говоря, что он, конечно же, скучал по Мэгги, он играл с самыми глубокими страхами Ани.

- Я буду внизу, - сказал в дверь. - Я буду там, когда ты захочешь выйти.

Он почти добавил «я люблю тебя», но одна горькая вспышка гнева ее реакции остановила его.

До конца вечера Дэниел убирал беспорядок, который они устроили в гостиной с рождественскими украшениями. Он позвонил нескольким родственникам, чтобы пожелать им счастливого Рождества и притворился, что все было идеально, когда они спрашивали о его новой девушке.

- Вместе с лета, - ответил он своему кузену Мэтью из Онтарио. - Она больше не «новая» девушка.

- Уже потеряла этот «запах новой девушки»?

- И твоя мать все еще удивляется, почему ты холостяк в свои тридцать три.

Он обдумывал и отбросил идею позвонить Кэрол, сестре Мэгги. По телефону их голоса были практически неразличимы. Услышать Кэрол по телефону было сродни встретиться лицом к лицу с призраком покойной жены. А Мэгги уже и так слишком часто преследовала его сегодня.

Время приближалось к полуночи, и Аня все еще не спустилась вниз, чтобы поговорить с ним. Он подумывал отправиться спать, но не хотел засыпать в одиночестве в комнате, которую они делили. Вместо этого он сел в огромное кресло,

которое Мэгги подарила ему на день рождения. Она называла его троном из «Театра Шедевров», и сказала, что любой уважающий себя библиотекарь должен сидеть в таком претенциозном кресле.

Прежде чем Дэниел закрыл глаза, он засунул руку в карман и вытащил маленькую голубую коробочку от Тиффани. Открыв ее, он уставился на обручальное кольцо с бриллиантом в огранке "принцесса". В приглушенном свете от рождественской ели бриллиант сверкал как Вифлеемская звезда. Если он не закроет коробку, на пороге его дома начнут появляться волхвы и пастухи. Но он не закрыл ее.

Не совсем. Завтра утром, в Рождественское утро, он планировал удивить Аню кольцом в качестве ее последнего подарка - кольцо и обещание любить ее и заботиться до конца своих дней. Но теперь он гадал не была ли ссора моментом проявления интуиции, спасшим его от огромной ошибки. Аня... на много младше его, менее опытная и такая чувствительная. До этой вечерней ссоры, он был абсолютно уверен, что она была той женщиной, с которой он хотел провести остаток своей жизни, женщиной с которой он хотел растиль детей. Ему было наплевать будут ли это его дети, или ее младшие братья и сестры, которым она каждый день звонила. Но сейчас... он задавался вопросом, имела ли Аня право бояться? Любил ли он ее так же сильно, как и Мэгги? А если нет, должен ли он в таком случае жениться на ней?

Сон медленно прокрался в комнату и окунул его. Кольцо выпало из пальцев, и он закрыл глаза.

Несколько минут или часов спустя, он почувствовал на своем колене ладонь.

- Что? - спросил он, со все еще закрытыми глазами.

- Я говорила тебе, если будешь спать в этом чертовом кресле, то потянешь мышцы шеи.

- Тогда тебе не стоило покупать его, Мэгс, - ответил Дэниел и открыл глаза. Мэгс? - Мэгги?

Дэниел выпрямился в кресле, внезапно ощущив себя проснувшимся. Перед ним на полу, у его ног, на коленях, положив подбородок на его колено, сидела Мэгги, его жена, которая умерла и была похоронена несколько лет назад.

- Что? - снова спросил он, его сердце дико колотилось в груди. - Что ты здесь делаешь?

Она озорно улыбнулась ему, ее каштановые волосы ниспадали волнами вокруг ее овального лица. Она выглядела не старше тридцати пяти, моложе, чем он когда-либо видел ее. На самом деле она выглядела потрясающе - такая молодая, такая прекрасная, не тронутая болью и страданием, которые причинил ей рак, рак убил его прекрасную жену.

- Счастливого Рождества, Дэниел.

Дэниел больше не задавал вопросов. Как Мэгги оказалась здесь... почему она здесь... ему было наплевать. Он встал с кресла, поднял ее на ноги и обнял крепче, чем когда-либо в жизни. Он не знал, что делать, обнимать ее вечно, или повалить на пол и заняться с ней любовью. Пока он раздумывал, то продолжал обнимать ее, прижимая еще сильнее.

- Хорошо, что я мертва, - ахнула Мэгги ему на ухо. - Иначе ты бы меня убил.

Дэниел рассмеялся сквозь слезы, зарылся носом в ее волосы и вдохнул. Ваниль... волосы Мэгги всегда тонко пахли ванилью.

- Не говори так. Не говори, что ты мертва. Я знаю, что сплю, так пусть этот сон будет хорошим, - прошептал Дэниел, прижимая ее еще ближе, так близко, что ощущал ее сердцебиение своей грудью. Он любил это ощущение - сердце к сердцу. После

секса он бы остался внутри нее на несколько мгновений, только для того, чтобы как можно дольше наслаждаться этим моментом.

Мэгги высвободила руку и жестко ущипнула его. Вздрогнув, Дэниел рассмеялся и отстранился, чтобы посмотреть на ее лицо.

- Ты не спиши, Дэниел. - Мэгги улыбнулась ему.

- Тогда как ты тут оказалась?

Она пожала плечами, в ее глазах блестела тайна.

- Кое-кто наверху решил, что тебе нужно что-то на Рождество. Что-то, что не поместится в коробку. И даже не такого размера. - Она протянула ему маленькую коробочку от Тиффани.

- Послушай... я могу объяснить... - начал Дэдниел, но Мэгги прервала его.

- Я давно умерла. - Мэгги быстро и мягко поцеловала его в губы. - Тебе разрешено двигаться дальше, влюбляться, жениться...

Дэниел покачал головой.

- Я знаю. Даже знаю, что ты этого хотела... - в течение нескольких месяцев до смерти Мэгги, она несколько раз говорила Дэниелу о будущем без нее. Она делала все, чтобы убедить его, что он не только должен двигаться дальше после ее смерти, но что и она хотела этого. Даже в свои последние часы она прошептала ему "я умру, но ты еще долго должен жить. Пообещай, что не станешь жить один... ты самый лучший мужчина, которого я когда-либо знала. Не позволь этому пропасть зря... не отказывайся от любви, от жизни... пообещай мне... И сквозь свои слезы он кивнул и с хрипом повторил "я обещаю, Мэгс".

- Тогда в чем проблема? - Мэгги изогнула бровь. Сколько раз она задавала этот вопрос за годы их брака? Он так и не нашел хорошего ответа.

- Аня... она... очень молодая, очень... - замолчав, чтобы подобрать нужное слово он только вздохнул. - Она не ты.

- Совершенно верно. - Мэгги понимающе кивнула. - И за это ты должен быть вечно благодарен.

Глаза Дэниела округлились от шока.

- И как это понимать? - он уставился на нее. - Ты была самым лучшим, что со мной случалось.

- И ты был самым лучшим, что когда-либо происходило со мной. Наш брак был сильным большую часть времени. Не знаю, любила ли я кого-нибудь так же сильно, как тебя. Даже не подозревала, что способна была на такую любовь и счастье. Но.

- Но?

Мэгги снова улыбнулась ему, таинственной потусторонней улыбкой. Он никогда не видел, чтобы она так улыбалась.

- Но... для такого умного мужчины, у тебя плохая память, - подразнила Мэгги, подняла руку и провела пальцами по его волосам. Она постучала его по лбу.

- Я не помню ничего, кроме потрясающих дней с тобой. И еще более потрясающих ночей, - сказал он, проводя ладонями по ее рукам. На ней была шелковая пижама, которую он подарил ей на одно Рождество. Мешковатая и мальчишеская, она скрывала ее невероятные изгибы, но ей нужно было что-то носить в присутствии семьи. И ничего не возбуждало его больше чем медленно освобождать ее женственную фигуру из этого мужского одеяния.

- Правда? - она поджала губы. - Позволь показать тебе кое-что. Закрой глаза.

- Всегда любил эту игру, - сказал Дэниел, закрыв глаза, как она попросила.

- И не надейся... и не возбуждайся, Извращенец. Открывай.

Дэниел открыл глаза и ахнул от удивления. Темнота и тишина гостиной внезапно изменились. Отовсюду лился свет - ель, рождественские огоньки в окнах, лампы,

красные и зеленые свечи... голоса наполняли комнату, смех. Две дюжины людей - семья Мэгги и Дэниела вместе и рождественская музыка на заднем фоне.

- Черт. - Дэниел схватил Мэгги за руку и притянул ее к стене, пока другая Мэгги прошла мимо них, неся в руке бутылку вина и три пустых бокала.

- Нас никто не видит, - сказала она, и сжала его ладонь. - Мы просто в воспоминании.

- Воспоминании? - Дэниел осмотрелся. Он увидел себя, тихо разговаривающего с сестрой Мэгги Кэрол. Он знал это воспоминание. Рождество номер три с Мэгги - Рождество, когда они решили пригласить обе семьи в их дом в пригороде. - Боже, это оно. Я помню его. В тот год ты подарила мне часы.

- Часы от Дэниела Рота казались подходящими.

- А я тебе...

- Это. - Мэгги подняла вверх руку и показала кольцо с тремя бриллиантами на правом безымянном пальце.

- Каждый бриллиант за каждый год счастья, который ты мне подарила. - Дэниел взял ее руку и поцеловал кольцо.

- Мне нравилось быть замужем за мужчиной, который знал, какие покупать украшения.

Дэниел улыбнулся, осматривая сцену. - Это было хорошее Рождество. Мне было приятно видеть здесь своих родителей, твоих родителей, родственников...

- Детей, - добавила Мэгги и кивнула на Рейчел и Джейсона, племянника и племянницу Мэгги.

- Да. Детей. - Дэниел слегкотонул, наблюдая, как восьмилетняя Рейчел воткнула бантик на макушку четырехлетнего Джейсона. Джейсон сорвал его и швырнул его в голову Рейчел и детский смех эхом наполнил комнату.

Мэгги подвела Дэниела к камину, где он и Кэрол шептались и потягивали вино.

- Так ты, наконец, поговорил с сестрой о том, чтобы завести детей? - спросила Кэрол, улыбаясь Рейчел и Джейсону, которые теперь были зачарованы игрушечным поездом, катящимся вокруг елки.

- Она говорит, что не хочет детей, - наблюдал за собой Дэниел. – Думаю, она серьезно.

- Материнство пойдет ей на пользу. Она просто Тип А, всегда им была (Прим. *Темперамент, характеризуемый чрезмерным влечением и духом соперничества, нереалистичным ощущением безотлагательности чего-то, неадекватными амбициями, нежеланием давать самооценку, тенденцией подчеркивать значимость количества продукции, по сравнению с качеством, и потребностью в контроле*). Ребенок ее упокоит. Все твои приоритеты меняются, когда появляется ребенок. Ты хочешь детей, верно?

Дэниел наблюдал, как младшая версия себя глубоко вдохнула, заметил, как его глаза смягчились, пока он наблюдал за Джейсоном в молчаливом восхищении от игрушечного поезда.

- Да. Очень. - Дэниел знал, что "очень" было еще мягко сказано. Как только шок от того, что он женился на богине, подобной Мэгги, улегся, все, что он хотел, это завести детей с ней. Дочка с умом и остроумием Мэгги, сына с его любовью к книгам... он до боли хотел прибавления к их семье из двух человек.

- Поговори с Мэгги. Может, она передумает. - Кэрол улыбнулась. - И поскорее. Ее время на исходе.

- Сегодня поговорю с ней. - Молодой Дэниел поднес бокал вина к губам, а Дэниел постарше мог лишь поморщиться.

- Я помню ту беседу, - сказал Дэниел, и Мэгги взяла его за руку и увела от камина, от воспоминания. - Она прошла не так, как я надеялся.

- Я тоже ее помню. Она прошла скорее так. - Мэгги нагнулась и задула одну из свеч. Каждый огонек в комнате погас, кроме гирлянды на ели. В темноте Дэниел услышал громкий шепот.

- Потише, - приказал молодой Дэниел. - Внизу спят дети.

- Да, давай переживать о детях, - ответила Мэгги из воспоминания. - Они гораздо важнее нас.

- Я не говорил такого.

- А тебе и не нужно. Я сказала еще до замужества, что не хочу детей. У меня есть работа. У меня есть жизнь с тобой. У меня есть все что мне нужно. Прося меня завести детей, ты просишь меня найти вторую работу. Зачем мне это делать если я так сильно люблю свою нынешнюю?

- Но дети... это не работа.

- Как бы ты назвал то, что предполагает постоянный ручной труд, Дэниел?

- Ты серьезно злишься на меня за мое желание завести детей с тобой?

- Да. Да, я злюсь. Я не такая. Это не то, что я хочу. Ты просишь меня стать кем-то и чем-то, кем я не хочу быть. Как бы ты чувствовал себя, если бы внезапно решил, чтобы мы стали ванильными? Больше никаких извращений, никакого подчинения тебе в постели... или еще где-либо? Ты больше не был бы главным в спальне?

Дэниел наблюдал, как он молодой побледнел от этого вопроса.

- Я был бы в ярости, - признался он. - И ненавидел бы каждую секунду этого. Но это не...

- Это то же самое, - возразила Мэгги. - Абсолютно идентичное. Решить, что отныне мы ванильная пара, равнозначно твоей просьбе стать матерью. Это будет полное предательство моей личности. Так что или ты принимаешь, что дети — это не часть нашего будущего, или я - не часть твоего будущего. Как же будет, Дэниел? Твое слово.

Мэгги из воспоминания замолчала. И Дэниел наблюдал, как молодой он тоже замолчал. Никто из них не говорил.

Ни единого слова.

- Закрой глаза, Дэниел, - прошептала Мэгги, и Дэниел с легкостью подчинился, желая поскорее выбраться из этого воспоминания. Когда он снова их открыл, они вернулись в настоящее, в его гостиную, где Аня все еще злилась и уединилась наверху в своей комнате.

Дэниел едва мог посмотреть Мэгги в глаза.

- Несколько недель после этого я просто ненавидел себя, - сказал Дэниел. - Не за разговор с тобой о детях. А потому, что не ответил, когда ты просила "Как же будет?" Я должен был сразу же ответить. Я должен был сказать: "Тебя, Мэгги. Несмотря ни на что". Прости. Мне очень, очень...

Мэгги прервала его извинение, прижав пальцы к его губам.

- Все хорошо. Ты был расстроен, и тебе было больно и грустно. У тебя были мечты, а я их разрушила.

- У тебя были свои мечты, и я просил тебя отказаться от них.

- Да. Но я стояла на своем. В ту ночь и каждый раз, когда мы ругались из-за детей.

- Мы не ругались так...

Мэгги щелкнула пальцами и перед глазами Дэниела замелькали воспоминания.

Мы уже обсуждали это. Я устала об этом говорить.

Мы можем усыновить. Тебе даже не обязательно...

Сколько раз мне нужно повторить...

Ты была бы потрясающей мамой. Как только ты родишь, ты...

Что? Буду несчастной?

Это происходило снова и снова... семь лет брака, разгоряченные беседы, подавляемые ссоры, обиды нарастали и убывали...

Призраки сотен аргументов молча проходили мимо, и Дэниел мог лишь прижать ладонь ко лбу, чтобы успокоится.

- Знаешь, если бы не мой диагноз, - сказала Мэгги, ласково убирая руку Дэниела от лба, - мы бы развелись через пару лет.

Дэниел покачал головой.

- Нет... нет.

- Я не предполагаю. Я знаю. - Она грустно улыбнулась. - Знаю, - повторила она.

- Развелись... ты и я? - Дэниел пошатнулся от одной мысли об этом. У них был такой хороший брак. Развод казался абсолютно немыслимым. И все же... он забыл столько ссор. Время стерло все эти плохие воспоминания.

Мэгги вздохнула.

- Развелись бы. Да. И последствия были бы не радужными.

- Я не могу... - сказал Дэниел. - Нет. Я не...

- Но ты должен, дорогой. Ты должен увидеть... Мэгги прикоснулась к его лицу, закрыла его глаза и Дэниел напрягся.

Когда он открыл веки, то понял, что стоит в кабинете Мэгги в ее юридической фирме на Манхэттене. Она была партнером и зарабатывала миллионы на своей практике. Ее офис кричал о деньгах, успехе и власти.

И тем не менее...

- Мэгги... нет... - прошептал Дэниел, когда его зрение сфокусировалось. Она не сказала ничего, лишь скрестила руки на груди как делала всегда, когда была смущена или нервничала. Другая Мэгги сидела за столом. Нет, не сидела. Не совсем. Нависла над ним - так бы Дэниел сказал. От этой Мэгги, разведенной-с-Дэниелом Мэгги, которую он никогда не встречал, разило алкоголем. Налет белого порошка пачкал некогда идеальную поверхность черного стола Мэгги.

- Боже, Мэг...

- Я никогда не рассказывала тебе, что около двадцати у меня были небольшие проблемы с наркотиками. Юридическая фирма на Манхэттене. Высокий класс. Высокий стресс. Я пыталась справиться со всем этим давлением. Позволяла себе чаще, чем следовало. В тридцать я вела себя намного лучше. Но после тебя и после развода, я окунулась в работу и все эти плохие привычки вернулись.

Дэниел молчал. Он обошел стол, чтобы поближе посмотреть на Мэгги, которую он никогда прежде не встречал. Из носа вытекла крошечная капелька крови и упала на трубку.

- Она жива. - Мэгги кивнула на себя. - По крайней мере, физически. Эмоционально, духовно... умерла. Сегодня Сочельник и эта Мэгги должна проверять контракт. Но эта Мэгги будет работать, пока не загонит себя в могилу к пятидесяти годам. Ей не нужен рак, чтобы умереть. Она сделает это сама.

Он опустился на колени у ее кресла. Он хотел прикоснуться к ее волосам, но убрал руку.

- Она не настоящая. - Дэниел встал и подошел к своей Мэгги. - Я отказываюсь верить, что она настоящая.

- Нет. Она просто тень того, что могло быть. Позволь показать другую тень.

- Чью?

Мэгги тяжело выдохнула.

- Твою.

В мгновение ока Дэниел исчез из офиса в пентхаусе и понял, что стоит в тесной и темной квартире. Взглянув в окно, он увидел узкие дома из красного песчаника, на улице мешки мусора были сложены в кучи, пластиковые выцветшие Санта Клаусы освещали грязные пороги. Похоже на Куинс или Бронкс.

- Где я? - спросил Дэниел. Он никогда не был в этом месте.

- Дом, милый дом. После нашего развода, ты не взял ни пении алиментов от меня. Ты устроился на первую попавшуюся работу библиотекаря. Маленький филиал в Бронксе. Большую часть дней на работе ты выгонял бездомных из туалетов.

Дэниел пожал плечами.

- По крайней мере, я работаю в своей сфере. Вроде того.

- Ты устроился на первую попавшуюся работу после нашего развода. И женился на первой женщине, с которой начал встречаться после нашего развода.

- Да? - Дэниел пораженный уставился на Мэгги. Она кивнула.

- Да. Служащая в библиотеке по имени Мара. На пару лет младше тебя, но уже с двумя маленькими детьми.

Дэниел улыбнулся.

- Я приемный отец?

- Был приемным отцом. Брак длился около полугода. Ты был привязан к детям, больше чем их мать. Мара ревновала, ей казалось, что их ты любишь больше, чем ее. Так и было. Ванильная женщина, не станет даже рассматривать любые Д\с отношения в спальне, не говоря уже об извращениях. Она ушла от тебя и забрала детей, а это твое Рождество два года спустя после нашего развода.

Дэниел услышал, как поворачивается ключ в замке и входит другая версия его. Этот Дэниел выглядел уставшим, изможденным, старше, чем должен был быть. В руках был пакет с едой на вынос из китайского ресторана.

- Твоя семья в Канаде пригласила тебя домой на Рождество. У тебя было слишком много гордости, чтобы сказать, что у тебя нет средств на билет на самолет. Ты солгал, и сказал, что у тебя появилась девушка, и ты хочешь провести Рождество с ней. Но сейчас ты один с китайской едой. Такое Рождество будет повторяться одно за одним. Ты откажешься от любви, от брака, от своей мечты об отцовстве. И так будет вплоть до твоей смерти...

Дэниел наблюдал, как он опускается в потрепанное кресло, и включает телевизор на футбольный матч. Ему даже не нравился футбол. Но он создавал шум, свет, движение... Дюжины женщин на протяжении жизни говорили ему, что он сексуальный, привлекательный ... даже один или два раза называли его великолепным. Но этот Дэниел округлился в животе, лицо испещрили глубокие морщины, и ничего в этих голубых глазах, из-за которых столько женщин сходило с ума. Абсолютно ничего.

- Я сломан.

- Да, сломан. По крайней мере, у тебя нос не полон кокаина и холодильник не забит водкой.

Дэниел посмотрел на Мэгги.

- Хочешь сказать, что хорошо, что ты умерла от рака? Я не могу... я не поверю в это.

Мэгги с глубочайшим состраданием посмотрела на него.

- Я говорю, что на все есть причина. Даже для плохого. Вот и все.

Дэниел отвернулся от самого себя.

- Ты можешь показать мне что-то хорошее? То, от чего меня не будет тошнить? Пожалуйста, Мэгс?

Мэгги снова взяла его за руки и поцеловала безымянный палец без кольца.

- Я могу показать тебе кое-что бесконечно прекрасное, если ты очень хочешь увидеть это.

- Хочу. Пожалуйста, покажи мне что-то прекрасное. Хорошее рождественское воспоминание. У нас было столько же хороших, как и плохих. Разве нет?

- Да, любовь моя. Безусловно. Но я покажу тебе хорошее воспоминание не о нас. По крайней мере, не сейчас.

- Что может быть прекраснее, чем наше совместное Рождество?

Мэгги подняла руку, щелкнула пальцами, и теперь Дэниел стоял перед спальней, где от него спряталась Аня.

- То, что твоя Аня делает прямо сейчас.

Мэгги указала на дверь, и пристыженный Дэниел посмотрел на нее.

- Она заперлась от меня.

- Умница. От тебя нужно иногда запираться, чтобы ты был в тонусе. Но она не заперлась от меня.

- Надеюсь, у тебя есть ключ.

- Ох, Дэниел... - сказала Мэгги и щелкнула языком. - Там, откуда я, не нужны ключи...

Она взяла его за руку и провела сквозь дверь.

Сердце Дэниела сжалось от представшего перед ним вида. Аня стянула одеяло с кровати и закуталась в него, чтобы согреться. Она ютилась на полу в углу спальни, прижавшись к батарее, к ее уху был прижат телефон, и у ее ног свернулся серый комок шерсти - кот Леонард.

- Аня. - Дэниел мягко произнес ее имя и подошел к ней. - Дорогая, мне так...

- Она не слышит тебя, помнишь? - Мэгги взяла его за запястье. - Мы не на самом деле здесь.

- Она замерзнет. И, конечно же, она выбрала самую холодную комнату в доме, чтобы тут спрятаться.

- Плачущие женщины с разбитым сердцем не всегда принимают правильные решения, Дэниел. Помнишь туссору на нашу пятую годовщину? В конечном итоге я въехала задом на машине в утиный пруд.

- Та несчастная утка до сих пор посещает сеансы физиотерапии из-за тебя.

Мэгги улыбнулась ему. - Именно. А теперь ш-ш-ш и слушай. Я переведу, если тебе будет нужно.

В былые времена Мэгги бы получила "Ой" за шиканье на него. "Ой" был названием особенно порочного взгляда Дэниела, когда он был раздражен из-за нее, или еще лучше, делал вид, что недоволен ее целью эротического наказания. Она всегда называла его "Ой", потому, что, когда видела его, она знала, что на следующий день у нее все будет болеть.

Но сейчас Дэниел не мог оторвать глаз от Ани, чтобы дать Мэгги "Ой". Его малышка выглядела несчастной... одеяло плотно окутывало ее, ее прекрасное лицо покрывали высохшие следы слез. Он не мог обнять ее и держать пока она не согреется, пока не почувствует безопасность и любовь и это убивало его.

- Все хорошо, любовь моя, - прошептала Мэгги и сжала его руку. - Там, где я, там нет боли, нет мелочности, нет печали и ревности. Мне не больно видеть то, какими глазами ты смотришь на нее.

Дэниел улыбнулся Мэгги, и его сердце наполнилось старой любовью к ней. Она ощущалась комфортно и тепло, словно его любимые джинсы прямо из сушилки. Его

новая любовь к Ане была абсолютно другой. Она пугала его, воодушевляла его, впивалась в него словно ногти в спину.

Опустившись на колени рядом с Аней, Дэниел изучал ее лицо и слушал, как она тихо говорит по телефону. Ему пришлось выучить французский и выучить быстро, как только он сошелся с Аней. Его маленькая квебекская злючка, слишком наслаждалась, исправляя его ошибки. Она так наслаждалась этим, что начал поправлять ее любые возможные ошибки в английском. Деревянная линейка в его кабинете и ее идеально круглая попка очень хорошо были знакомы.

- Все пришло вовремя? - прошептала Аня. - У нас сильная метель, и я не смогу пойти на почту еще несколько дней.

Она замолчала, и кто-то на другом конце линии ответил ей.

- С кем она говорит? - Дэниел просил Мэгги.

- Сейчас... - ответила Мэгги. - Это поможет.

Дэниел смотрел, как Мэгги протянула руку и прикоснулась к большому зеркалу на стене. Изображение на зеркале вздрогнуло и превратилось в новую картинку. Молодой парень стоял посередине узкого коридора и прижимал беспроводной телефон к уху. У него были взъерошенные каштановые волосы и светлая кожа, ореховые глаза, и лицо, которое превратится в привлекательное через год или два, как только он наберет немного веса.

- Это Этьен, брат Ани. Еще не встречался с ним. Видел его на фотографии.

- Теперь он хранитель семьи, пока Аня в Америке. Их отец бесполезен, - объяснила Мэгги.

- Аня говорила то же самое. - Дэниел посмотрел на Аню, сидящую на полу. В зеркале Этьен прошел по коридору в гостиную. Маленькая ель, высотой едва ли в три фута, украшенная одной печальной гирляндой белых огоньков, стояла перед грудой подарков в элегантных золотых и серебряных обертках.

- Не могу поверить, что ты все это могла себе позволить, - сказал Этьен глядя на подарки. - Как тебе удается?

- Дэниел попросил меня остаться с ним. С сэкономленных от аренды денег я смогла купить подарки.

Этьен вздрогнул.

- Я бы предпочел остаться без подарка. Не доверяю богатеям.

- Он хороший человек, - возразила Аня. - Очень хороший. Самый лучший. И он добр ко мне. И красивый, я даже не могу... не важно. - Она улыбнулась немного, понимая, что ее брат был последним человеком на земле, который хотел слышать о привлекательности ее парня.

- Если он так добр к тебе, почему ты столько скрываешь от него? А? Он знает, что ты отправила кучу подарков, когда пришла с ними на почту?

Аня поморщилась.

- Он бы захотел меня подвезти, если бы я попросила. Но если бы он увидел подарки, то бы захотел знать, откуда у меня на них деньги. И если бы я ответила, что это все что у меня было, тогда бы он сам за них заплатил.

- Ты должна была позволить ему, если он настолько богат.

- У меня есть гордость, Этьен.

- Слишком много гордости, Аня.

- Должен согласиться с Этьеном, - сказал Дэниел, отчаянно желая прикоснуться к Ане. Он был здесь, живой, в отличие от Мэгги. Почему она не видит его? Почему он не может обнять ее? - В девушке 90% гордости и 10 % злости.

- И все 100% влюблены в тебя. - Мэгги улыбнулась ему.

- Мне нравится такая математика. - Дэниел вернул свое внимание к Ане. Конечно же, девочка потратила последний цент на шестерых младших сестер и братьев. Он должен был знать, должен был помочь. Он был так занят поиском идеального кольца, созданием идеального Рождества для них двоих, что совсем забыл о ее семье в Квебеке, о которой она постоянно переживала от него?

- Малыши спят? - спросила Аня, потуже затягивая одеяло.

- Сейчас Сочельник, - с шаловливой улыбкой ответил Этьен. О да, Дэниел понял. Этот парень будет сердцеедом. Лучше держать Кингсли подальше от него. – Конечно, не спят.

- Могу я поговорить с ними?

- Они не простят тебя, если ты не сделаешь этого. Они все в комнате Камиллы, пытаются уложить ее спать.

Этьен понес трубку обратно по коридору. Дэниел поморщился от вида дома. Дома? Он скорее походил на двух, или трехкомнатную квартиру. Маленький, тесный, мрачный и темный. Старый ковер, окрашенные стены. Место выглядело чистым, и лишь подарки под елкой давали понять, что в доме жила любовь.

Внутри зеркала Этьен открыл дверь в крошечную комнату, в которой стояли две двухъярусные кровати. Дети от восьми до четырнадцати свисали сверху или окружали кровать. Самая маленькая девочка, Камилла, вцепилась в розового плюшевого слоника и шептала что-то сестре.

- Прекрасная семья, - сказала Мэгги, и Дэниел увидел, как его покойная жена улыбается детям. - Я люблю детей. Чужих детей. Просто никогда не хотела своих.

- Я хотел, - вздохнув, ответил Дэниел. - Очень. Мне нравится мысль о том, чтобы заботиться об этих маленьких человечках, который не могут позаботиться о себе.

- Ты всегда так хорошо заботился обо мне. Однажды ты станешь прекрасным отцом. Я уверена.

- Если этот день вообще наступит... - Дэниел наблюдал за сценой в зеркале. Этьен вошел и сказал, что Аня на телефоне. На лицах появились улыбки, но Камилла потянулась к телефону и вырвала его из рук Этьена.

- Аня?

- Привет, моя маленькая обезьянка, - сказала Аня и Камилла захихикала. - Ты готова к встрече с Санта Клаусом?

Милое маленькое лицо Камиллы помрачнело.

- *Papa* сказал, что он не придет в этом году.

- Не слушай *Papa*, - ответила Аня. - Он в списке непослушных детей. Слушай меня. Санта придет ко всем вам. Он сам мне так сказал.

- Правда?

- Да. Санта провел кучу времени, покупая рождественские подарки в Нью-Йорке.

- Ты там живешь

- Живу. А теперь живу в большом доме в пригороде. Он очень красивый. - Аня вытерла слезу со щеки. Дэниел слышал боль в ее голосе под вынужденной легкостью.

- Я могу приехать к тебе в гости?

Казалось, взгляд Ани дрогнул от этого вопроса.

- Сначала я приеду к вам. Я скучаю по тебе. По всем вам.

Камилла вздохнула тяжело и печально, слишком печально для такого маленького ребенка. Дэниел хотел взять маленькую девочку на руки, обнимать ее и рассказывать глупые истории, пока она снова не улыбнется.

- Я тоже по тебе скучаю. Здесь никто мне не поет.

Аня громко ахнула в притворном шоке.

- Даже Этьен? Он не поет тебе?

Камилла покачала головой. - Говорит, что не может петь, иначе испортит Рождество для всех.

- На самом деле он прав, - ответила Аня, и Дэниел усмехнулся. - Но я могу спеть тебе, если ты отправишься в кроватку и выключишь свет. Обещаешь?

- Обещаю, обещаю, - официально как судья, заверила Камилла. Она сказала Этьену, что Аня будет петь ей. Этьен взял трубку из ее рук и нажал кнопку громкой связи. Все дети еще ближе подошли к кровати. Камилла положила голову на подушку и притянула розового слоника, держа его за пушистую ногу.

Аня прочистила горло и закрыла глаза. Спокойным голосом, одновременно мелодичным и трепетным она начала петь старую песню на своем родном языке.

- "Христос родился", - сказали ангелы бедным пастухам, находившимся в поле...

Горло Дэниела скжалось от звука сладкого голоса Ани. Он редко слышал ее пение, и никогда такое, успокаивающее ребенка в Сочельник.

Все сестры и братья Ани внимательно слушали слова. До припева, когда две старшие девочки, Эйми и Николь начали подпевать.

- Родился, родился, родился, родился,

Родился Царь Израильский!

- У нее прекрасный голос, - сказала Мэгги почти шепотом.

- И прекрасное сердце... - Дэниел встал. Ему было физически больно не прикасаться к Ане, он хотел успокоить ее. Ее сердитый серый кот Леонард спал у ее ног, но не многое мог сделать, кроме как держать пальцы ее ног в тепле.

- У нее правда прекрасное сердце. И душа. И лицо, и тело, - подразнила Мэгги. - Ты везунчик. Она сокровище. Но опять же, как и ты.

- Сейчас я себя таковым не чувствую. - На самом деле, Дэниел был в ужасе. Из всех дней, именно в Рождество он поставил под сомнение свою любовь к Ане.

- Пойдем. Хочу еще кое-что показать тебе. - Мэгги потянула его за руку, и Дэниел неохотно позволил ей себя увести. Он не хотел покидать Анию. Не сейчас. Никогда. Но так как он не мог помочь ей, не мог поговорить с ней, лучше было уйти, пока он не сможет снова помочь ей.

Мэгги увела его из гостевой комнаты и повела вниз в гостиную, к рождественской ели.

- Красивая ель. Она проделала отличную работу, украсив ее. - Мэгги одобряющие кивнула.

- Она дизайнер. Ты бы видела одежду, которую он шьет для себя.

- Она пошила новый гардероб для своих сестер на Рождество.

Дэниел уставился на Мэгги.

- Что? - спросила Мэгги. - Я подсмотрела.

- Эта девушка меня иногда удивляет. Да кого я обманываю? Она удивляет меня постоянно.

Мэгги лишь улыбнулась ели. Она протянула руку и коснулась обезьянки из носков.

- Девушка по имени Элеанор подарила мне ее, - ответил Дэниел. - Она...

- Ох, я точно знаю, кто такая Элеанор. - Глаза Мэгги округлились. - Я знаю ее даже лучше, чем ты. Поблагодари ангела-хранителя что ты в конечном итоге не остался с ней.

- Ну, я знаю, что она тоже не хочет детей.

- Клянусь, это последнее, о чем тебе стоит волноваться. Ее будущее... - Мэгги втянула воздух сквозь зубы. - Можно сказать... интересное. Но больше ничего не скажу. Не буду портить тебе сюрприз. Мое время почти истекло. А тебе нужно еще кое-что показать.

Сердце Дэниела сжалось от слова "истекло". Он не был готов снова отпускать ее. Не сейчас. Никогда.

- Что же?

- Ничего особенного, - ответила она с лукавой улыбкой. - Только это.

Мэгги махнула рукой, и гостиная снова взорвалась светом и звуками. Дэниел услышал смех и музыку. Голоса повсюду говорили на французском и английском. Развернувшись, он увидел комнату полную детей и подростков, заворачивающих и разворачивающих подарки. И в центре всего этого стояла Аня красивая, покрасневшая и уставшая.

- Где мы? - спросил Дэниел, прежде чем понял абсурдность вопроса. - Я имею в виду... когда мы?

- В альтернативном будущем. Ты пригласил родственников Ани в гости на Рождество. Аня никогда не была такой счастливой.

Дэниел видел, как другая версия его входит в гостиную, с Камиллой, свисающей с его плеча.

- Кто-нибудь просил Камиллу на Рождество? - громко спросил Дэниел. - Санта оставил ее на крыльце. Кто-нибудь?

- Я! - Аня подошла к нему и забрала визжащую, хохочущую Камиллу из его рук.

- Я хотела, чтобы Камилла мыла посуду. И готовила. И убиралась. И расчесывала Леонарда и чистила его лоток.

- Нет! Нет! Нет! Нет! Только не лоток! - завопила Камилла. - Верни меня Санте!

Дэниел не мог оторвать глаз от другой версии себя, будущей версии. Он выглядел как идиот, улыбаясь от уха до уха смотря на комнату полную детей и Анию, сияющую как новоиспеченная невеста. Невеста? Дэниел посмотрел на руку будущей Ани и увидел, как блестит его обручальное кольцо. В этой версии будущего, он попросил ее выйти за него, и она согласилась. Ему понравилась эта версия будущего. Чего бы это ни стоило, он осуществит его.

- Я тоже никогда не видела тебя таким счастливым, - сказала Мэгги. - Даже в день нашей свадьбы.

- Я был в ужасе в день нашей свадьбы.

- Думал, что совершаешь ошибку? - подмигнув спросила Мэгги.

- Думал, что ты ее совершаешь.

- Выйти за тебя замуж было самым умным, что я когда-либо делала. - Мэгги взмахнула рукой, и свет погас, смех утих и будущее растворилось. И снова они стояли в тишине, в настоящем освещенном огнями от рождественской ели.

- Нам с тобой было хорошо. - Дэниел взял ее руки в свои и притянул ближе. Он ощутил, как она уже начала растворяться, и отказывался отпускать ее. Пока еще нет.

- Больше, чем хорошо. - Мэгги расслабилась в его руках и медленно начала раскачиваться. - Я тоже могу спеть, если хочешь. - Она тихонько начала напевать его любимую рождественскую песню.

- Устрой себе веселое Рождество... - напевала Мэгги ему на ухо, ее голос был ниже и более хриплым, чем у Ани, но не менее прекрасен.

- Не эту, - взмолился Дэниел, кружка Мэгги, пока она пела. - Эта такая грустная.

- Не правда. Она честная, - возразила она. - Скоро мы все будем вместе... если судьба нам позволит...

- Судьба не позволит, - сказал Дэниел и крепко обнял ее. - Хотел бы я, чтобы это происходило иногда.

- Я знаю, любовь моя. Знаю, что ты хотел бы. И я тоже когда-то давным-давно. Но у судьбы на нас были другие планы. И в свое время ты будешь стоять здесь, на моем месте, и вся твоя жизнь предстанет перед тобой как открытый свиток... и ты

увидишь и поймешь. И будешь благодарен за то, что все произошло именно так. Я обещаю.

- Я верю тебе. Правда. Только это тяжело... тяжело поверить. - Он закрыл глаза и вдохнул ванильный аромат волос Мэгги.

- Знаю. Словно ты идешь в темноте. Но однажды ты выйдешь на свет.

- И мы будем вместе? - спросил он, надеясь, что хоть как-то воссоединиться с Мэгги, со всем, кого он потерял и любил.

Мэгги еще раз улыбнулась ему. Еще одна улыбку. Еще одно подмигивание. Еще один нежный поцелуй на его губах.

- Если судьба нам позволит, - прошептала она.

И затем она исчезла.

Дэниел вздрогнул и замер от внезапного ее исчезновения. - Мэгги? - позвал он и ничего не услышал в ответ.

Мантисия печали окутала его. Ушла... опять она оставила его до того, как он был готов. Он сел в кресло. Голубая коробочка от Тиффани стояла на подлокотнике. Он крепко сжал коробочку в ладони и знал, что должен сделать. Но не сейчас. Пока не сейчас. Пока не наступит утро.

Сон завладел им, и он расслабился в кресле. Картинки будущих Сочельников кружились в его голове. Он и Аня... они поженятся и будут вместе счастливы. И все ее братья и сестры будут жить с ними, и его дом, наконец, будет полон детьми, которых он всегда хотел. И не будет иметь никакого значения, что они не его собственные. Он сделает их своими своей любовью, заботой, будучи отцом, которого они заслуживают. Они будут сидеть у его ног и слушать сказки, которые он будет им читать. Даже сейчас он чувствовал подбородок Камиллы на своем колене.

- Monsieur... у вас будет болеть шея, если будете так спать.

Дэниел медленно открыл глаза. Солнечный свет и отблеск от снега заполнил комнату. И Аня, его прекрасная Аня сидела у его ног.

- Ты права. Я не должен спать в этом кресле. У меня будет растяжение шеи, если буду тут спать.

Он потянулся вниз и перетянул Аню к себе на колени.

- Что ты делаешь? - запротестовала она, ерзая на его колене.

- Играю в Санту, расскажи мне, чего ты хочешь на Рождество.

- Уже рождественское утро, - напомнила она. - Разве мы не должны были говорить об этом несколько недель назад?

- Просто скажи мне. Посмотрим, какие рождественские чудеса есть в моем кармане.

Аня вздохнула и расслабилась в его руках. Не было ничего лучше, чем голова Ани на его плече.

Она подняла руку и прикоснулась к его лицу, его губам.

- У меня есть ты. И больше нет ничего, чего я бы хотела.

Грудь Дэниела сковало. Он знал, что должен стоять на одном колене, но сидящая на его колене Аня ощущалась естественнее.

- Даже это? - он протянул коробочку от Тиффани и положил ее в центр ладони девушки. Ее глаза стали большими как небо, когда она открыла коробочку.

- Но... - она начала возражать, и Дэниел остановил ее поцелуем.

- Но ничего. Выходи за меня, Аня. Это приказ.

Он достал кольцо из коробочки и надел его ей на палец. Слеза покатились по ее лицу, и она крепко обняла его.

- Да, Сэр, - прошептала она ему на ухо.

- Хорошая девочка. - Только эти два слова он смог выдавить. Никогда в своей жизни он не испытывал такого облегчения.

Несколько минут они просто обнимались, плакали, смеялись и целовались. Но, наконец, Дэниел пришел в себя, чтобы начать ее дразнить. Он не мог протянуть больше пяти минут без подразнений.

- Это кольцо стоит целое состояние. Поэтому я жду что-то равнозначное в качестве моего рождественского подарка. Выкладывай.

Аня покраснела.

- У меня есть подарок для тебя. Правда.

- Хорошо. Неси его. Я хочу его. И если это не двенадцать пар новых носков, ты будешь жестко наказана до следующего Рождства.

- Я не могу его принести, - ответила она, нервно покручивая новое кольцо на пальце. - Он опоздает.

- Проблемы с доставкой неприемлемы. Никаких оправданий. О каком сроке опоздания мы говорим?

Аня взяла его ладонь, поцеловала и медленно прижала ее к своему животу.

- Чуть меньше девяти месяцев.

Конец